

Э. А. КОСМАЧЕВСКАЯ, Л. И. ГРОМОВА

КОЛЛЕКЦИИ И. П. ПАВЛОВА В ЭКСПОЗИЦИИ ЕГО МЕМОРИАЛЬНОЙ КВАРТИРЫ

И. П. Павлов считал «рефлекс цели» основной формой жизненной энергии и приводил коллекционирование в качестве примера «самой чистой, типичной... и самой распространенной» его формы у людей. Будучи страстным коллекционером, он собрал за свою жизнь четыре полноценных собрания: филателистическое, энтомологическое, книжное и живописное. Представленные в статье подробности, связанные с составлением этих коллекций, позволяют увидеть великого ученого со стороны, отличной от профессиональной, демонстрируют широту его интересов, эмоциональность, неутомимость, настойчивость в достижении цели и являются уникальным источником сведений о его личности, мировоззренческих позициях и нравственных устоях.

Ключевые слова: И. П. Павлов, «рефлекс цели», коллекционирование, энтомология, филателия, живопись, литература.

В 2009 г. исполняется 160 лет со дня рождения И. П. Павлова (1849–1936) и 60 лет мемориальному музею в его последней петербургской квартире на 7-й линии Васильевского острова, открытому 27 сентября 1949 г. к 100-летию юбилею ученого¹. В его состав тогда вошли три из шести комнат академической квартиры – кабинет-спальня, гостиная и столовая, сохраненные родными Ивана Петровича в нетронутom виде, несмотря на Великую Отечественную войну 1941–1945 гг., блокаду Ленинграда и послевоенную разруху. Абсолютно все вещи, представленные в экспозициях этих комнат, принадлежали хозяевам, и подлинность интерьеров позволяет и сейчас ощутить живой дух павловского дома. В этом смысле следует отметить особую ценность экспонируемых в мемориальной квартире коллекций, составленных самим Павловым в разные годы жизни. Таких собраний было четыре, и три из них – энтомологическое, живописное и книжное – представлены в музее. Четвертое – коллекция марок – было им в свое время подарено старшему сыну и вскоре по обоюдному согласию продано. К сожалению, никаких собственноручных записей Ивана Петровича, сделанных по поводу составления той или иной коллекции, найти не удалось. Скорее всего они утеряны, так как зная его характер, стремление к четкости в любом деле, трудно представить, что их не было вообще. Сведения о его увлечении коллекционированием можно почерпнуть из разрозненных, хотя и многочисленных историй, рассказанных

¹ *Космачевская Э. А., Громова Л. И., Боргест А. Н.* К истории уникального музея-квартиры Ивана Петровича Павлова Института физиологии им. И. П. Павлова РАН // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. 2000. № 86 (11). С. 1556–1562.

самим Павловым и сохранившихся в воспоминаниях современников. Эти истории показывают, с какой страстью он занимался составлением каждой коллекции, сколько проявлял трудолюбия и настойчивости для их пополнения². Если, говоря его словами, «коллекционирование [...] один из самых типичных и чистых примеров проявления [...] рефлекса цели» (так Павлов называл «основную форму жизненной энергии каждого из нас»), то можно утверждать, что сам он владел «рефлексом цели» сполна³.

Коллекции насекомых, как и собрание книг, Иван Петрович пополнял в течение всей жизни – с юных лет до глубокой старости. Коллекцию живописи он начал собирать уже в зрелые годы, добившись успехов в научной карьере и материального благополучия. Марки же, наоборот, собирались в «допрофессорский» период, когда семья переживала трудные в финансовом отношении времена. Как вспоминала в своих мемуарах жена Павлова Серафима Васильевна,

в дни именин и рождений или других каких торжеств в семье дарили сочинения любимых авторов [...] Когда на это потребовалась порядочная сумма, а у нас не хватало денег на самое необходимое, то поневоле пришлось протестовать против таких несвоевременных затрат. Тогда-то Иван Петрович перешел на более доступное коллекционирование марок⁴.

Увлечшись филателией, он, с присущим ему азартом, не упускал любой возможности пополнить свое собрание. П. К. Анохин приводит, например, такой эпизод:

По лаборатории Павлова проходит экскурсия из «высокопоставленных» лиц. Среди них [...] сиамский принц. Закончив обзор своих изумительных экспериментов и оторвавшись на минуту от изложения мировых достижений в области пищеварения и высшей нервной деятельности, Павлов вдруг обращается к принцу и жалуется ему на то, что в его марочной коллекции не хватает сиамских марок. Удивленный и польщенный этой просьбой принц просит своего секретаря записать эту странную просьбу великого русского ученого. Через несколько дней коллекция И. П. Павлова украсилась целой серией марок Сиамского государства⁵.

Старались порадовать его редкими экземплярами и все друзья и ученики. И хотя собрание марок явилось для Павлова как бы временной уступкой в ущерб его страсти к книгам, коллекция, по семейным рассказам, получилась замечательная. Вырученные от ее продажи деньги были использованы на покупку первых картин, ставших основой следующего собрания – живописных полотен русских художников. Желание собирать именно такую коллекцию родилось не случайно – интерес к изобразительному искусству Иван

² *Космачевская Э. А., Громова Л. И.* «Я не только физиолог, но и человек, думающий на разные темы» // Альманах-2001. Музеи Российской академии наук / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М., 2002. С. 221–241.

³ *Павлов И. П.* Рефлекс цели // *Павлов И. П.* Избранные труды. М., 1999. С. 363.

⁴ *Павлова С. В.* Из воспоминаний // И. П. Павлов – первый Нобелевский лауреат России. Т. 2. Павлов без ретуши / Авт.-сост. А. Д. Ноздрачев, Е. Л. Поляков, Э. А. Космачевская, Л. И. Громова, К. Н. Зеленин. СПб., 2004. С. 252.

⁵ *Анохин П. К.* Иван Петрович Павлов. М.; Л., 1949. С. 273.

Петрович проявлял еще в студенческие времена. Об этом свидетельствует, например, сохранившийся в его библиотеке «Указатель скульптурного музея Императорской Академии художеств» 1874 г. с многочисленными пометками и комментариями, указывающими на его уже тогда достаточно глубокие познания в этой области. И позднее по воспоминаниям современников он любил посещать художественные галереи как в Петербурге, так и за рубежом. Представленные там полотна «потом долго служили ему темой для рассказов, суждений, восторгов или порицаний», – писал в своих мемуарах его племянник А. Ф. Павлов, отмечая, что особой любовью пользовалась

живопись чисто русская, которую, более чем всякую другую, он был способен понимать и чувствовать. При этом [...] он терпеть не мог картин, созданных разными декадентами, кубистами, импрессионистами [...] а признавал живопись только строго реалистическую,⁶

отдавая предпочтение пейзажам и жанровым полотнам. Картины именно такого типа в исполнении только русских мастеров он и собирал. На фотографиях интерьеров павловской квартиры конца 1920-х гг. видно, как много полотен было в его собрании, однако составить полный каталог живописной коллекции до сих пор не представляется возможным. Сам он, как уже было сказано, не оставил никаких заметок по этому поводу, большую часть собрания унаследовали родственники, некоторые картины были проданы в российские музеи. М. В. Нестеров, посетивший Павлова в 1930 г., пишет в своих мемуарах, что у него в то время

был Репин, его лучшей поры, в чудесных этюдах к «Приему старшин», были и более поздние картины, до самых последних лет жизни Ильи Ефимовича. Были Маковский, Шишкин, Дубовской, петербургские художники, Крыжицкий, Берггольц, Сергеев, были Бакалович, Семирадский...⁷

не указывая, к сожалению, названий произведений. В основном Павлов приобретал живописные полотна на художественных вернисажах – сохранились каталоги некоторых выставок с его карандашными отметками на полях, указанием цены и отдельно выписанными названиями особенно понравившихся работ. Некоторые картины дарили ему сами авторы, среди которых у Ивана Петровича было немало друзей – И. Е. Репин, Н. Н. Дубовской, М. В. Нестеров и др. Подробности о взаимоотношениях Павлова с представителями мира изобразительных искусств, описания которых можно встретить на страницах мемуаров родных и сотрудников Ивана Петровича, в воспоминаниях самих художников и скульпторов (М. В. Нестеров, Д. Ф. Шарапов, Я. Д. Минченков, С. Т. Коненков, И. Я. Гинцбург и др.), представляют собой материал для отдельной полноценной публикации.

В экспозицию Мемориального музея вошли из коллекции Павлова 59 авторских работ российских мастеров живописи. Все они остались на местах,

⁶ Павлов А. Ф. Воспоминания об академике Иване Петровиче Павлове // И. П. Павлов – первый Нобелевский лауреат России. Т. 2 ... С. 429.

⁷ Нестеров М. В. Давние дни. Встречи и воспоминания. М., 1959. С. 227.

Собрание картин известных русских художников в интерьере гостиной квартиры И. П. Павлова. Фотография 1920-х гг.

выбранных в свое время хозяином дома. Большая часть – 32 картины – сосредоточена в гостиной. Над камином – большое полотно художника-пейзажиста Дубовского, с которым Иван Петрович дружил на протяжении всей жизни, «Вечерняя заря» (х., м., 105 × 109), изображающее утопающий в вечерних сумерках берег Финского залива неподалеку от дачного поселка Силламяэ, где в течение 20 лет до революции семья Павловых отдыхала с мая по сентябрь. Оно было подарено автором картины в память «о чудесных летних вечерах, проведенных здесь», и стало одним из первых в павловской коллекции. Картина Дубовского «Кухни» (х., м., 24 × 35, 1903), на которой изображен служивший в Силламяэ кухней простой деревенский домик с пристройкой в яркий солнечный день в тени деревьев, была подарена в свое время жене Павлова, о чем свидетельствует надпись на оборотной стороне картины. В мемориальной квартире представлено еще восемь работ этого художника, либо также подаренных автором, либо купленных на выставках, – «Море» (х., м., 26 × 34, 1909), «Зима» (х., м., 51 × 69), «Неаполитанский залив» (х., м., 23 × 35, 1895) и др.

Лучшее место в гостиной, по словам старшего сына, Павлов выбрал для «Богатырей» (1897) своего любимого мастера В. М. Васнецова – выполненного маслом одного из первых вариантов знаменитого полотна. Здесь же авторское повторение «Снегурочки» (1899). Павлову, как вспоминают близ-

Интерьер столовой в музее И. П. Павлова. На стенах – собранные ученым энтомологические коллекции (фотография Е. П. Вовенко)

кие, казалось, что на нее была очень похожа его старшая внучка. Вскоре после договоренности о приобретении картин у художника Иван Петрович получил от него письмо со словами: «Мне весьма приятно послужить Вам своими художественными трудами, и я рад, что моя “Снегурочка” будет у Вас»⁸.

На противоположной стене гостиной – яркое полотно Г. И. Семирадского «Праздник роз», (х., м., 87 × 154). Рядом с ним – акварели А. Бенуа «Финский пейзаж» (бум., акв., 20 × 26) и «Городской пейзаж» (бум., акв., 21 × 28, 1917) с изображением сквера у Никольской площади Санкт-Петербурга – подарок автора. Здесь же – картина А. А. Рылова «Сенокос» (х., м., 38 × 56, 1931), написанная, по воспоминаниям некоторых современников Павлова, в окрестностях Колтушей, где художник побывал по приглашению Нестерова, большого друга Ивана Петровича.

Среди других картин в гостиной – три небольших работы К. Лемоха с изображениями крестьянских девочек. Судя по надписям на обороте каждой из них, они были приобретены Дубовским на одной из выставок для Павлова, скорее всего, по его личной просьбе. Здесь же – «Зима в Парголово» (х., м., 78 × 97, 1918) А. Н. Шильдера, обучавшегося рисованию в классах И. И. Шишкина, пейзажи ученика А. И. Куинджи И. Ф. Шультце «Зима» (х., м., 61 × 88, 1916) и «Осень» (х., м., 23 × 32, 1915), два небольших этюда Нестерова «Капри»

⁸ Переписка И. П. Павлова / Гл. ред. Е. М. Крепс. Л., 1970. С. 350.

(х., м., 23 × 28, 1907) и «Крым. Гаспра» (х., м., 21 × 29, 1930) – подарки художника Павлову и его жене к Рождеству 1931 г.

В столовой находятся картины, соответствующие по сюжету назначению комнаты, – натюрморты Ю. Ю. Клевера «Рыбы» (карт., м., 28 × 50, 1919) и «Красная смородина с розами» (карт., м., 28 × 50, 1919), картина К. П. Степанова «Сцена с разбитой бутылкой» (х., м., 51 × 64, 1902) и др.

Живописные полотна украшают и стены домашнего кабинета. Здесь собраны «Глицинии» И. Е. Крачковского (х., м., 35 × 47, 1906), «Взморье» Бенуа (бум., акв., 33 × 47, 1919), «Украинский этюд» В. Е. Маковского (дер., м., 41 × 52, 1882), «Женская головка» К. Е. Маковского (дер., м., 24 × 18). Особенно нравилась Ивану Петровичу небольшая картина Н. П. Богданова-Бельского «На исповеди» (дер., м., 19 × 26), изображающая сцену отпущения грехов маленькому мальчику, неизменно навевавшая ему, по словам родных, воспоминания о собственном детстве.

Над небольшим письменным столом Серафимы Васильевны авторская копия (1933) первого портрета Ивана Петровича, выполненного Нестеровым в 1930 г. – подарок художника к 85-летию ученого. Здесь и подаренные им жене Павлова карандашный набросок к портрету «И. П. Павлов, читающий книгу» (бум., карандаш, 17 × 23, 1930), карандашный портрет дочери Павловых Веры (бум., карандаш, 11,5 × 17, 1934), написанный маслом эскиз «Шеша» (х., м., 26 × 31,5, 1935). Среди работ Нестерова, хранящихся в мемориальном кабинете, одна заслуживает особого внимания. Это портрет жены Павлова Серафимы Васильевны (х., м., 30 × 37), выполненный в 1934 г. по личной просьбе ученого. Нестеров вспоминал, что писал Серафиму Васильевну легко, с большим удовольствием общаясь с ней во время сеансов. Портрет оказался очень удачным – симпатия и теплота художника сполна отразились в этой замечательной работе. Он никогда и нигде не выставлялся, оставаясь вот уже 75 лет на выбранном Павловым месте – подрамнике перед его письменным столом.

Как истинный коллекционер Иван Петрович всегда радовался пополнению собрания новыми экземплярами. Один из его ближайших сотрудников И. С. Розенталь вспоминал, как любил он «показывать гостям свое сокровище, сопровождая показ меткими характеристиками и художника, и его произведения»⁹. И хотя, как уже говорилось, в экспозицию музея вошла только часть павловского живописного собрания, составляющие ее полотна красноречиво убеждают, в какой большой степени было присуще чувство прекрасного великому в своей строгой науке ученому.

Часть еще одной коллекции Павлова – энтомологической – представлена в музее на стенах столовой в трех застекленных деревянных коробках. На пробковом дне самой большой из них размещены бабочки Северо-Западного региона, пойманные и обработанные руками Ивана Петровича. Здесь собраны 103 особи, среди которых есть и довольно редкие, – бражник «мертвая голова» (*Acherontia atropos*), голубая орденская лента (*Catocala fraxini*), большая гарпия (*Cerura vinula*), хвостоносец махаон (*Papilio machaon*), и в большом количестве разнообразные совки, парусники, медведицы, желтушки,

⁹ И. П. Павлов в воспоминаниях современников / Гл. ред. Е. М. Крепс. Л., 1967. С. 202.

пяденицы и т. д. Племянник Ивана Петровича вспоминал в своих мемуарах, что дядя,

занимаясь приведением в порядок своих коллекций, любил рассказывать, где и когда поймана та или иная бабочка. Достать некоторые из них, как, например, «траурный плащ», «красная орденская лента», «махаон» и др. ему стоило большого труда. Он мечтал о них, долго гонялся за ними, пока ему не удавалось добыть редкий, замечательный экземпляр [...] Живя на даче, Иван Петрович собирал с деревьев или др. растений, в чем ему помогали и дети, гусениц. Их выкармливали зеленью в коробках, они закукливались и к весне освобождались уже вполне оформившиеся взрослые бабочки. Их усыпляли в баночках эфиром, затем в расправленном булавками виде, на пробочных пластинках, засушивали, и они поступали в коллекцию¹⁰.

Подробности об обстоятельствах появления в коллекции некоторых экземпляров, переданные со слов Ивана Петровича его современниками, служат яркой иллюстрацией того, с каким неослабевающим энтузиазмом он относился к этому своему увлечению. Не только в молодости, но и в зрелом, и даже пожилом возрасте он мог без усталости «охотиться» за какой-нибудь нужной ему бабочкой, умолять ее «не улетай, не улетай, пожалуйста», подкрадываясь, чтобы поймать, вновь и вновь приходил к тем местам, где он ее подкараулил. Серафима Васильевна вспоминала, что однажды в Новой Александрии под Варшавой, где они отдыхали летом 1889 г., приятелю мужа химику А. Л. Потылицину, тоже любителю-энтомологу, удалось поймать редкую синюю орденскую ленту, и Иван Петрович «буквально впал в отчаяние, и даже отложил отъезд на несколько дней, чтобы попытаться свое счастье»¹¹.

По воспоминаниям племянника,

Иван Петрович прибегал иногда к помощи своих сотрудников-врачей, прося их при поездках в дальние командировки на «эпидемии» доставать ему образцы местных видов бабочек, и те иногда привозили или присылали их.¹²

Некоторые из этих подарков представлены во второй коробке с бабочками меньших размеров, но гораздо более нарядной. В этой коробке всего 46 экземпляров, среди которых бабочки из Юго-Восточной Азии – прецис виллида (*Precis villida*), айлактовый шелкопряд (*Philosamia Cynthia*), китайская дубовая павлиноглазка (*Antheraea yamamai*) и др., из Южной Америки – морфо катенариус (*Morpho catenarius*), парусник Андрогей (*Papilio Androgeus*), эриа евримедиа (*Aeria eurimedia*) и др., даже из Африки – библиа ахелойа (*Byblia acheloia*), цинандра опис (*Cynandra opis*) и др. Эта

¹⁰ Павлов А. Ф. Воспоминания об академике Иване Петровиче Павлове // И. П. Павлов – первый Нобелевский лауреат России. Т. 2... С. 427.

¹¹ Павлова. Из воспоминаний... С. 199.

¹² Павлов. Воспоминания об академике Иване Петровиче Павлове... С. 427.

коллекция тропических бабочек и большое число прекрасных комнатных растений, конечно, как выявления натуралистических излюбленных склонностей Ивана Петровича, остались у меня в памяти, — ¹³

вспоминал педиатр Н. К. Вяжлинский, лечивший детей Павловых и посещавший с этой целью их квартиру, когда они жили еще на Большой Пушкарской улице. Племянник Ивана Петровича Александр Федорович, живший у них в этой квартире в конце 1890-х гг., вспоминает, что даже принял участие в составлении этой «тропической» коллекции. Он пишет:

В 1898 году ко дню рождения Ивана Петровича я подарил ему бабочку с острова Мадагаскар, которую мне удалось купить у какого-то профессионала по этой части. Бабочка была очень большого размера, не менее 10 сантиметров в размахе крылышек, имевших ярко-синий цвет с металлическим блеском. В следующем году к такому же дню мне удалось достать где-то и поднести Ивану Петровичу вторую бабочку, тоже какого-то экзотического происхождения, немного меньшего размера, чем первая, но с еще более блестящими, ярко-зелеными крылышками. Обе эти бабочки, бывшие самыми красивыми в коллекции Ивана Петровича, были приняты им с неопишуемым восторгом ¹⁴.

Эти бабочки – морфо дидиус (*Morpho didius*) и морфо менелай (*Morpho menelaus*), не изменившие своей яркой окраски за прошедшие с того времени более чем 100 лет, и сейчас вызывают восхищение. Нельзя не упомянуть и еще об одной бабочке из этой коробки – тизании агриппина (*Thysania agrippina*). С этой совкой из Южной Америки, одной из самых крупных в мире, довольно редко встречающейся в отечественных коллекциях, связана особая история, рассказанная одним из ее участников Н. И. Бухариным. По его словам, все попытки в конце 1920-х гг. «подружиться» по негласному поручению правительства с великим ученым, относившимся, как известно, негативно к большевикам, были безуспешны. Попав однажды в дом Павловых и увидев на стене столовой коробки с бабочками, Николай Иванович,

хороший знаток энтомологии, сумел оценить коллекцию по достоинству и воскликнул: «Как, у вас есть даже *Thysania agrippina*?» [...] Иван Петрович изумился: «А вы оказывается в бабочках разбираетесь?!», как-то сразу «оттаял» и завел беседу о коллекции, которую собирал в течение десятилетий и которой очень гордился ¹⁵.

Последовавшие затем встречи, переписка между ними свидетельствуют о симпатии, которой проникся ученый к своему «коммунистическому другу», как он называл Бухарина.

¹³ Вяжлинский Н. К. Воспоминания // И. П. Павлов. Первый Нобелевский лауреат России. Т. 3. Ученики и последователи Павлова / Авт.-сост. А. Д. Ноздрачев, Е. Л. Поляков, К. Н. Зеленин, Э. А. Космачевская, Л. И. Громова. СПб., 2004. С. 494.

¹⁴ Павлов. Воспоминания об академике Иване Петровиче Павлове... С. 428.

¹⁵ Самойлов В. О., Мозжухин А. С. Павлов в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л., 1989. С. 269.

Одна из энтомологических коллекций И. П. Павлова с редкими экзотическими видами бабочек (фотография Е. П. Вовенко)

Размещение бабочек и жуков в коллекциях Иван Петрович осуществлял старинным, одним из наиболее трудоемких способов – строго по семействам, радиальными лучами от более крупных особей в центре к более мелким по концам лучей. Радиальное расположение насекомых особенно хорошо видно в средних размерах коробке с жуками. От расположенных в центре крупных экземпляров – жука-оленья (*Lucanus cervus*), навозника священного (*Scarabaeus sacer*), носорога-стратега (*Strangalia alceus*) расходятся четко убывающими по величине особей рядами жужелицы (*Carabidae*), усачи (*Cerambycidae*), златки (*Buprestidae*), водолюбы (*Hydrophilidae*), плавунцы (*Dytiscidae*) и др. Такое размещение занимало у Ивана Петровича немало времени, так как при каждом новом поступлении бабочек или жуков ему приходилось перекалывать почти всю систему, чтобы сохранить вид правильной геометрической фигуры с расходящимися лучами. Размещение в центре коллекции крупных особей доставляло особенно много хлопот. Но все это, по словам племянника, он делал с большим удовольствием. При этом безошибочно мог назвать сложное латинское название каждого экземпляра.

Как и при составлении других коллекций, при собирании насекомых Иван Петрович стремился не только иметь как можно больше разнообразных новых экземпляров, но и вникнуть в суть вопроса – изучить места обитания насекомых, эволюционные процессы, особенности поведения и т. п. Об этом

говорит немалое число книг по энтомологической тематике в его домашней библиотеке.

Именно домашняя библиотека Павлова, составлявшаяся им в течение всей жизни, наиболее полно представлена в мемориальной квартире. Здесь около 2000 книг по разным областям знаний, более 600 сочинений любимых поэтов и писателей, много справочной литературы – 86 томов «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», 45 книг «Академического словаря русского языка», 30 томов «Большой Медицинской энциклопедии». Из связанной с его профессиональными интересами научной литературы, также входившей в домашнюю библиотеку, сохранилось лишь 180 книг и оттисков. В 1932 г. Иван Петрович сам подарил немало научных изданий библиотеке Биологической станции в Колтушах, туда же после его смерти родственники передали в декабре 1937 г. основную часть научной библиотеки – 1729 книг и около 11 тыс. оттисков. Книги составили Колтушский библиотечный фонд «Из книг И. П. Павлова», существующий и поныне в составе библиотеки Института физиологии им. И. П. Павлова РАН. Судьба оттисков драматична – они погибли в январе 1976 г. при аварии парового отопления. Судя по сохранившейся картотеке, они составляли не только самый объемный, но и один из наиболее значимых разделов павловского собрания¹⁶.

Основу домашней библиотеки составили книги, сыгравшие, по словам Ивана Петровича, главную роль в выборе его творческого пути – труды российских публицистов, философско-биологические сочинения отечественных и зарубежных авторов. Особое место заняли наиболее значимые в его «физиологической» судьбе «Физиология обыденной жизни» Г. Льюиса (1865), двухтомник В. Вундта «Душа человека и животных» (1865–1866). Библиотека постоянно пополнялась не только купленными самим Павловым новыми сочинениями, но и в значительной степени подаренными книгами – в семье они считались лучшим подарком к значительным датам. «Золотому и любимому Папочке от Мамы, Воли, Веры и Вити» в день рождения 1893 г. был подарен 12-томник В. Г. Белинского (1888), в 1896 г. – сочинения Н. А. Добролюбова в 4 томах, в 1897 г. только что опубликованный шеститомник сочинений кумира его молодости Д. И. Писарева. Сохранились и его собственные подарки – сыну Виктору «Изгнание торжествующего зверя» Дж. Бруно (1914), «Афоризмы и Максимы» А. Шопенгауэра (1901) – «Милой Маме от Воли, Веры, Вити, Всевы и Папы» и др. Немало подарков было получено от известных соотечественников: *Etudes sur la nature humaine* И. И. Мечникова (1903), «Материя в системе органического мировоззрения» Н. О. Лосского (1916), «Система социологии» П. А. Сорокина (1920) и многие другие. Среди них – брошюра В. М. Бехтерева «Сознание и его границы», также с дарственной надписью автора. Опубликованная в ней речь уже признанного в то время психиатра и психофизиолога, произнесенная в 1888 г. на Актовом дне Казанского университета, своими четкими определениями сущности сознания, взаимосвязи сознательной и бессознательной сфер, видимо, произвела на Ивана Петровича большое впечатление – на оборотной стороне брошюры его рукой написано: «Очень интересно!».

¹⁶ Космачевская Э. А., Громова Л. И., Боргест А. Н. Библиотека Ивана Петровича Павлова // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. 2001. № 87 (3). С. 428–438.

Многие книги «одеты» в переплеты, подобранные самим Павловым. В 1905 г. в «переплетном заведении» А. Винклера он выбрал светло-коричневые с золотым тиснением обложки для трудов А. Герцена, в 1906 г. – коричневую кожу для сочинений Н. Г. Чернышевского, – он любил вспоминать, что «был поражен реальностью и силой мысли» этого автора, прочитав некоторые его публицистические очерки в 14–15 лет. Среди книг достаточно изданий на английском, французском и немецком языках, из которых последним Павлов владел лучше всего.

Библиотеке Ивана Петровича не присуща как, например, собранию Менделеева, строго продуманная система расстановки и хранения книг, их библиографического описания, однако издания распределены по полкам во вполне определенном порядке. Так, труды по философии, социологии, психологии и т. п. занимают два отдельных шкафа. Здесь почти все сочинения одного из любимых авторов Павлова, английского социолога Г. Спенсера, в том числе и подарок родных 1904 года, когда Иван Петрович стал первым в России лауреатом Нобелевской премии – «Основания психологии» (1897). Эта книга немало способствовала признанию им ошибочности своих попыток исключить какое бы то ни было проникновение психологии в объяснения физиологических процессов. Интерес Павлова к психологии подтверждают «Психологические этюды» И. М. Сеченова (1873), «Научные основы психологии» Д. Вильяма (1902), «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» Э. Маха (1904), «Всеобщая психология с физиогномикой в иллюстрированном изложении» И. А. Сикорского (1912) и многие другие книги по этим вопросам.

В этот же раздел включены и четырехтомник Ч. Дарвина (1896–1901), убежденным приверженцем идей которого был Павлов, и книги о Дарвине, в том числе сборник «Памяти Дарвина» (1910) со статьей Ивана Петровича «Естествознание и мозг». Увлечение философией демонстрируют «Творения Платона» (1923), «Этика» и «Переписка с приложением жизнеописания» Б. Спинозы, «Критика чистого разума» И. Канта (1902), впервые изданный в 1898 г. на русском языке «Опыт с человеческим разумом» английского философа XVII в. Дж. Локка, сочинения А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Причем, если «Мир как воля и представление» Шопенгауэра приблизительно с середины остался с неразделенными страницами, т.е. недочитанным, то «Происхождение трагедии» Ницше не только носит следы «зачитанности», но и хранит немало сделанных рукой Павлова карандашных отметок. Рядом – два тома «Писем» Вл. Соловьёва (1908, 1909), хотя известно, что Иван Петрович не поддерживал мнения большинства современников, провозгласивших Соловьёва первым русским самостоятельным философом: «Потеха это, ребячество, а не философия» – говорил он. В этих же шкафах «Герои и героическое в истории» Т. Карлейля (1898), положившего конец увлечению «байронизмом» и призывавшего к деятельной жизни, «Начала цивилизации», «Доисторические времена» естествоиспытателя-дарвиниста Дж. Леббока, его же «Радости жизни», пользовавшиеся особой популярностью. Павловский экземпляр – второй выпуск книги в России, переведенной в 1895 г. с 14-го менее чем за десять лет английского издания (впервые она была опубликована в 1887 г.). Оптимистический взгляд автора на решение многих нравственных вопросов, могущий

Книжные шкафы с полностью сохранившейся домашней библиотекой И. П. Павлова в интерьере его мемориального кабинета (фотография Е. П. Вовенко)

служить толчком к светлому и здоровому направлению идей, не мог не импонировать Павлову. На соседних полках – «История умственного развития Европы» Дж. У. Дрэпера (1873), считавшего, что жизнь отдельного человека есть миниатюра жизни народа; «История философии» А. Фулье (1901), с его попытками объединить противоположные точки зрения в «высшем синтезе»; «Ценности жизни» Е. Дюринга (1896) с противопоставлением мировому пессимизму героического понимания жизни, основанного на близких Павлову принципах, что основу духовного содержания личности образуют «справедливость, за которую бьется сердце, и логика, за которую ратует мозг». Здесь же сочинение В. Оствальда «Великие люди» (1910) с приведенными в нем биографическими подробностями из жизни всемирно известных знаменитостей. Стоящие рядом более 40 экземпляров книг из серии «Жизнь замечательных людей», опубликованных издательством Ф. Павленкова на рубеже XIX–XX вв. говорят о том, что сведения такого рода, видимо, немало интересовали Ивана Петровича.

В отдельном шкафу сосредоточены книги по естествознанию, географии, астрономии, которой с конца XIX в. Павлов, как и многие его современники, увлекся в связи со значительными тогда достижениями в этой области науки – открытием малых планет, обнаружением спутников Марса, становлением астрофизики и т. п. В его библиотеке – «Звездный атлас для небесных наблюдений» Я. Мессера (1891), «Популярная астрономия» (1890), «Множественность населенных миров» (1898), «Звездное небо и его чудеса» известного французского астронома К. Фламариона, книги немецкого астронома

Г. Клейна «Прошлое, настоящее и будущее вселенной» и «Астрономические вечера», подаренное сыном Виктором в 1911 г. ко дню рождения сочинение американского ученого П. Ловелла «Марс и жизнь на нем», книги одного из крупнейших математиков и астрономов Дж. Джинса «Вселенная вокруг нас» и «Движение миров», полученные Павловым в подарок к 85-летию «от такого же, как он любителя астрономических фантазий и достижений», известного биолога Н. К. Кольцова.

Имеются в этом разделе и энтомологические труды – атлас бабочек на немецком языке *Fr. Berge's Schmetterlings-Buch bearbeitet von H. von Heine-mann* (1889), «Атлас бабочек Европы и отчасти Русско-азиатских владений» (1897), атлас жуков Европы с полным их описанием и 48 цветными таблицами *C. G. Calvers Kaferbuch. Naturgeschichte der Kafer Europas von professor Dr. G. Yager* (1876), книги Д. Леббока «Муравьи, пчелы и осы. Наблюдения над нравами общежительных перепончатокрылых» (1884) и *Nature Series on British Wild Flowers Considered in Relation to Insects* (1893), «Инстинкт и нравы насекомых. Из энтомологических воспоминаний» (1898) французского энтомолога Ж. А. Фабра – семейный подарок Ивану Петровичу в день рождения 14 (26) сентября 1903 г. Наличие здесь немало количества ботанических книг и атласов подтверждает тот известный из воспоминаний близких факт, что какое-то время Павлова увлекало и составление гербариев. Они не сохранились, но в некоторых книгах вместо закладок можно увидеть засушенные растения. Среди литературы по этой тематике – атлас К. Гофмана с изображением 459 растений и его перевод с дополнениями применительно к российской флоре (1897), «Жизнь растений» А. Кернера фон Марилауна (1899), подаренная автором «Космическая роль растения» К. А. Тимирязева – текст его Крунианской лекции, прочитанной в Лондонском Королевском обществе в 1903 г., труды В. И. Палладина «Анатомия растений», «Морфология и систематика растений», «Физиология растений» 1912, 1913 и 1914 гг., также подаренные автором, и др.

Довольно значительна подборка трудов по орнитологии, хотя об этом увлечении Павлова, возникновению которого способствовал его рано умерший средний сын, мало кому известно. Сюда вошли: «Черная семья» (1889) Д. Кайгородова, *Natur-Geschichte der deutschen Vogel* (1891) немецкого орнитолога Г. Г. Фридриха (*G. G. Friderich*) с описанием 384 видов птиц, «Птицы России» М. А. Мензбира (1895), «Птицы Европы. Практическая орнитология с атласом европейских птиц» Н. А. Холодковского и А. А. Силантьева с дополнительной информацией о форме, цвете и размерах птичьих яиц, руководством по препаровке птичьих шкурок, картами географического распространения и перелетных путей пернатых (1899). Кроме этих атласов, стоивших по тем временам недешево, в собрании Павлова есть и великолепное богато иллюстрированное десятитомное издание книги И. Ф. Науманна (*I. F. Naumann*) *Naturgeschichte der Vogel Mitteleuropas* (1905), и классическая десятитомная антология животного мира известного немецкого естествоиспытателя А. Э. Брэма 1893–1896 гг. издания.

Много в павловской библиотеке литературы, посвященной географии, геологии, описаниям обычаев и традиций народов разных стран и России. Среди них «Земля и люди. Всеобщая география» Э. Реклю (1898), «Естественная

история племен и народов» Ф. Гельвальда (1885), «История Земли» М. Неймайра (1897). Здесь и знаменитая богато иллюстрированная «Живописная Россия», содержащая, как отмечалось в названии, исчерпывающие сведения о нашем отечестве «в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении», публиковавшаяся в течение 1881–1895 гг. издательством М. О. Вольфа. Здесь же книги о путешествиях: «Наш Дальний Восток» Д. И. Шрейдера (1897), «В дебрях Африки» М. Стенли (1892), «Путевые заметки при зоологических экспедициях на северо-восток Индии и Голубой Нил» С. Н. Вика, двухтомник Ф. Нансена «Во мраке ночи и во льдах» (1897) о путешествии норвежской экспедиции на корабле «Фрам» к Северному полюсу и др.

Самостоятельный раздел составляют книги по истории российского государства и всемирной истории, где кроме сочинений Н. И. Костомарова (1903–1906), Н. Ключевского (1906–1910), А. Г. Брикнера (1882–1885) и др. есть и такие редкие издания, как «Письма и бумаги императора Петра Великого» (1887, 1889, 1893), «Опыт исторического исследования» Императора Александра I (1912), «Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными замечаниями академика А. Н. Пыпина» (1901–1906) в 12 т. и др. Особого внимания заслуживает «Всеобщая история» (1894) в 4 т. немецкого ученого О. Йегера – «труд замечательный [...] по своим достоинствам научным», как говорится в предисловии, дополненный в русском переводе гравюрами известных мастеров из русской археологии, исторической жизни и действительности России, включающий подробности из всеобщей истории искусств и культуры. Рядом – отдельное издание «История искусств (зодчество, живопись, ваение)» П. П. Гнедича в 3 т. (1897), труды Э. Ренана – «Апостолы» (1907), «Марк Аврелий и конец античного мира» (1906), а также «Жизнь Иисуса» (1906), где немало карандашных отметок, одна из которых относится к теме, всегда волнующей человеческий ум:

...слова «царство Божие» необыкновенно удачно выражают потребность души в некотором дополнении к судьбе человеческой, в компенсации за существующую на земле неправду жизни [...] Кто находит, что [...] бессмертие души противоречит физиологии, любят убаюкивать себя надеждой на конечное возмещение [...] в неизвестной форме ¹⁷.

В этот раздел включены и «История цивилизации в Англии» Г. Бокля (1863), «История цивилизации Германии» И. Шерра (1868), «Происхождение современной Франции» И. Тэна (1907) и еще более 200 книг, посвященных вопросам истории.

В отдельном шкафу сосредоточены произведения любимых поэтов и писателей Павлова. Здесь полные собрания сочинений классиков отечественной литературы – Н. С. Лескова (1902), Ф. М. Достоевского (1892), И. А. Гончарова (1887), Н. В. Гоголя (1889), М. Ю. Лермонтова (1910), Н. А. Некрасова (1890), М. Горького (1916) и др., зарубежных писателей и поэтов – Г. Гейне (1900), Р. Тагора (1914–1915), М. Твена (1910), М. Метерлинка (1910) и др.

¹⁷ Ренан Э. Жизнь Иисуса. СПб., 1906. С. 225.

Произведения А. С. Пушкина в собрании Павлова представлены в пяти различных вариантах, включая «Издание общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (1887), три различных выпуска Академии наук (1899, 1906–1911, 1929), и богато оформленное издание Брокгауза и Ефрона (1907). В подобном же варианте с великолепными иллюстрациями приобрел Иван Петрович и сочинения особенно им любимого В. Шекспира (1907), хотя в его собрании уже были произведения великого англичанина в скромном издании 1893 г. Особое отношение к этому поэту ярко демонстрируют его собственные слова, высказанные в хранящемся в фондах музея письме от 25 февраля 1912 г. к дочери Вере:

Это – лучший, это – высший вкус. Для меня Шекспир как бы нечто божественное. Я беру его в руки всегда с некоторым трепетом, с благоговением. Я обращаюсь к нему в трудные минуты жизни – и всегда нахожу в нем опору. Это для меня [...] пример редкой силы и вдохновения. После прикосновения к нему я опять полон надежды и жизненной энергии. А мысль, сколько раз не перечитывал его, всегда находит в нем что-нибудь новое и поразительно жизненное. Без меры изумительно, как могло вместиться в одном человеке такое знание человеческой природы во всех ее разнообразных типах и крайних проявлениях.

В этом же разделе библиотеки – «Эдип-царь» Софокла, «Сонеты» Ф. Петрарки, стихи Дж. Г. Байрона (1894), Ф. Шиллера (1893), И. В. Гете (1892), подаренные в разное время самим Иваном Петровичем своим детям, другие произведения, в числе которых и такие как «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (1916) или «Собрание стихов декабристов» (1906).

Знакомство с коллекциями Павлова позволяет увидеть великого ученого с другой, далекой от его профессиональной деятельности стороны и еще раз демонстрирует широту и многогранность его природы. Истории, связанные с его увлечением коллекционированием марок или насекомых, преследующим своей целью собрать как можно больше новых и новых экземпляров, являются яркой иллюстрацией к оценке его характера – эмоционального, неутомимого, настойчивого в достижении цели. Подробности же о собирании Иваном Петровичем картин, а тем более книг, подразумевающим тщательный отбор экземпляров, выбор только тех, которые нравятся, увлекают, соответствуют интересам составляющего коллекцию человека, могут служить уникальным источником сведений для глубокой оценки его личности, мировоззренческих позиций, нравственных устоев.